

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ*

ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ КЛЯУС

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН:
121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а)

Рецензия на: *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Т. 1, 2 — Иркутск, т. 3, 4 — СПб., т. 5—12 — Иркутск, 2007—2013 (продолжающееся издание).

В определенном смысле любой *словарь* — это энциклопедия. Но о «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Галины Витальевны Афанасьевой-Медведевой это определение, высказанное одновременно В. Г. Распутиным и научным редактором д. филол. н. Ф. П. Сороколетовым¹ в двух предисловиях к первому тому, отражает самую суть многолетнего и еще не законченного труда автора. Здесь я бы сразу хотел обратить внимание на количество томов, которое планируется к изданию. Первоначально предполагалось, что их будет двадцать. Но на моем столе лежит уже двенадцать книг «Словаря говоров...» (две последние вышли в 2013 г.), и словарная статья, завершающая 12 том, посвящена выражению *‘давить налогами’*. Понятно, что до буквы *Я* еще очень и очень далеко. И по словам автора, в настоящее время планируется уже сорок томов издания! Смею предположить, что их может быть и больше, так как Галина Витальевна продолжает свои полевые исследования, и новый материал, судя по всему, что называется с колес, включается в новые книги².

Таким образом, данное издание едва преодолело четверть пути, но уже сейчас видны его основные контуры, что и подвигло меня на написание этой небольшой рецензии.

* При поддержке гранта РГНФ № 14-04-00449.

¹ Нужно заметить, что у издания, 1-й том которого вышел в 2007 г., менялись научные редакторы. Ф. П. Сороколетов был научным редактором 1-го и 2-го тома; 2—4-го тома — Ф. П. Сороколетов и В. М. Гацак; 5—12-го тома — В. М. Гацак и С. А. Мызников.

² Некоторое, хотя и незначительное влияние на увеличение объема оказывает тот факт, что отдельные тексты в «Словаре говоров...» публикуются повторно в разных словарных статьях, иллюстрируя употребление тех или иных лексических форм.

Словарный жанр не нов для Г. В. Афанасьевой-Медведевой. В ее монографии «Русская охота на медведя в Восточной Сибири в фольклористике и этнолингвистическом освещении» (Иркутск, 2002) содержится словарный раздел, в котором отражена лексика русского старожильского населения, связанная с культом медведя, способами и технологией охоты на него. В определенном смысле «Словарь говоров...» вырастает из этого раздела монографии, но в новом труде иркутской исследовательницы последовательно реализован принцип, который в работе 2002 г. был только намечен, — полная публикация тематически и сюжетно законченных фрагментов интервью, в котором респондентом произнесено то или иное слово, выражение, топоним, этноним, гидроним и т.д., отражающее мир русского сибиряка-старожила.

Включение фольклорно-этнографических материалов в словари — давняя практика в славянской филологической науке. Здесь можно назвать и «Српски рјечник истумачен њемачком и латинским ријечима» (1818) Вука Караджича, и «Толковый словарь живого великорусского языка» (1863—1866) Владимира Даля, и «Речник на българския език с тълкуване речите на български и руски» (1895—1904) Найдена Герова и др. Несмотря на то что собственно лексике в этих словарях отводится главная роль, они содержат уникальные, порой наиболее ранние образцы текстов устной народной словесности, которые интересны фольклористам. Правда, сопроводительная информация позволяет иметь представление лишь о регионе бытования того или иного произведения фольклора, поверья, обряда и т.д. В словарях более близких и по времени, и по региону к «Словарю говоров...» Г. В. Афанасьевой-Медведевой — в «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Э. Элиасова (1980) и «Словаре говоров старообрядцев 171

(семейских) Забайкалья», вышедшего под ред. Т. М. Юмсуновой (1999) — в целом такая же картина. В труде иркутской исследовательницы, в отличие от названных выше, дается точная паспортизация каждой записи, приведенной в качестве примера в словарных статьях.

Читатель имеет возможность познакомиться с принципами построения словарной статьи, обратившись практическим к любому тому «Словаря говоров...». Тем не менее кратко остановлюсь на ее структуре.

Словарную статью открывает словарное слово — диалектное название бытового предмета, кушанья, праздника, обряда, религиозное или моральное понятие, микротопоним, этноним, гидроним, антропоним и т.д. — все то, что отражает «мир» сибиряка-старожила. Затем приводятся лингвистические данные словарного слова (окончание в родительном падеже и род для существительных, в некоторых случаях форма множественного числа, для прилагательных — окончания женского и среднего родов, для глаголов — вид и переходность, указание на часть речи для наречий, местоимений и др.). Если словарное слово является частью поговорки, то она приводится полностью. В том случае, когда словарное слово отражает некоторую специфическую область быта сибиряков — охоту, рыболовство, стоят соответствующие пометы. При необходимости дается толкование словарного слова. Выбранный подход обеспечивает читателя минимальными, но вполне достаточными лингвистическими сведениями.

Следующая часть словарной статьи — текст, иллюстрирующий употребление словарного слова. Его объем варьируется от двух-трех предложений до двух-трех страниц повествования, в среднем — около одной страницы. Если примеры не велики по объему, то их может быть несколько. После каждого текста указывается не только конкретное место записи и список регионов бытования словарного слова, но и номер респондента/исполнителя в общем списке, опубликованном в конце тома, где сообщается его ФИО, возраст, место проживания и год, когда исследовательница работала с ним.

Благодаря такой точной паспортизации текстов жанр труда Г. В. Афанасьевой-Медведевой — это не столько словарь, сколько многотомный, организованный по словарному принципу сборник фольклорно-этнографических материалов, собираемых автором в «Байкальской Сибири» с 1980 г.

Здесь нужно сказать, что словосочетание «Байкальская Сибирь» обычно означает территорию, которая примыкает к Байкалу и включает в себя, если двигаться с запада на восток, Иркутскую область, Республику Бурятия и западную часть Забайкальского края, а именно до Яблонового хребта, водораздела рек Северно-Ледовитого и Тихоокеанского бассейнов. Г. В. Афанасьева-Медведева расширяет территорию «Байкальской Сибири»: на запад — до Приангарья (Красноярский край), на восток — до Шилки и Аргуни, дающих начало Амуру (Забайкальский край). Географы и биологи вряд ли бы согласились с ней, но исследовательница все же права с той точки зрения, что эта территория, в центре которой Байкал, а восточная окраина — Приаргунье, осваивалась казаками, старообрядцами и другими группами русского народа в XVII—XVIII вв., которых впоследствии стали называть «русское старожильческое население Сибири».

«Словарь говоров...» и интересен мне прежде всего потому, что во многих местах «Байкальской Сибири» в свое время я также проводил полевые исследования — от Приангарья (1986—1987), Прибайкалья (1986—2010), западного Забайкалья (1992—2007) до Приаргунья (1993—2014). Для меня оказались особенно полезными материалы труда Г. В. Афанасьевой-Медведевой из Восточного Забайкалья, записанные преимущественно в 1980—1990-х гг. Материнская традиция русской культуры и фольклора в китайском Трехречье, изучением которых я занимаюсь в последние годы, бытовала именно на этой территории. Понятно, что я был нацелен на проведение полевых исследований в тех районах Забайкальского края, которые непосредственно примыкают к Аргуни — Приаргунский и Нерчинско-Заводской. В 1980—1990 гг. Г. В. Афанасьева-Медведева не имела большой возможности проводить здесь экспедиции, как, впрочем, и другие коллеги-фольклористы из Иркутска, Улан-Удэ и Читы (Л. Е. Элиасов, В. П. Зиновьев, В. С. Левашов, Р. П. Матвеева и др.), поскольку допуск в приграничную зону с Китаем был крайне затруднен. Только в 2013 г., судя по очередным, уже одиннадцатому и двенадцатому томам «Словаря говоров...», Г. В. Афанасьева-Медведева побывала в этих местах. В 1980—1990 гг. сбор фольклорно-этнографического материала ею проводился на более удаленной от границы территории Восточного Забайкалья —

Нерчинский, Сретенский, Шилкинский, Шелопугинский и Калганский и другие районы тогда еще Читинской обл.

Массив записей иркутской исследовательницы из этого региона позволяет получить представление о многих сферах жизни и культуры русского населения Восточного Забайкалья.

Здесь, правда, возникает одна проблема. Во всех вышедших томах «Словаря говоров...» пока отсутствует указатель тем и сюжетов опубликованных в нем записей интервью и фольклорных произведений. Конечно, в том случае, когда словарное слово напрямую отражает тематику текста, например название календарного праздника (*Вознесение*, *Анна Устренья*, *Благовещенский день* и др.), мифологического персонажа (*Водяник*, *Банница* и др.), вопросов не возникает. Но как можно узнать, что в словарной статье *Багантуй* (название населенного пункта в Заралинском р-не Иркутской обл.) рассказывается о праздновании Пасхи, а точнее об обычае обмена домочадцами яйцами во время моления перед иконами, который когда-то бытовал в этой деревне! В 2013 г. я мог наблюдать его в пасхальную ночь в китайском Трехречье.

По словам Г. В. Афанасьевой-Медведевой, указатель тем и сюжетов текстов, опубликованных в «Словаре говоров...», будет в отдельном, самом последнем томе издания. А пока она не оставила читателю иного выбора, кроме сплошного просмотра всех изданных книг словаря, что я и сделал с преогромным удовольствием.

Ниже я представляю некоторые свои выписки из первых двенадцати томов, отражающие материалы по народному календарю русского населения Восточного Забайкалья, поверья и обычаи, связанные с теми или иными праздниками. Надеюсь, они окажутся полезны исследователям данного региона: первая цифра здесь обозначает номер тома, последующая/последующие после двоеточия — номер страницы, через точку с запятой — следующий том с соответствующими страницами.

Описание способов ворожбы на Рождество — 3: 446; 4: 458; 5: 392, 400, 410, 412; 7: 137, 138; 9: 162—163; 8: 221, 251, 255, 257—259; 10: 218—219, 227; 12: 340.

Описание празднования Масленицы — 1: 212, 234, 288—289; 4: 402.

Легенда о том, почему день Касьяна один раз в четыре года — 1: 220.

Сообщение о работе в пост — 6: 113.

Сообщение о великочетвержной нитке — 6: 115—116, 117, 117—118, 118, 119.

Сообщение о том, что перед Пасхой моют в доме — 9: 235—237; 10: 76, 149—150.

Сообщение о посте и праздновании Пасхи — 6: 114.

Сообщение о том, что на Пасху играет солнце и об обычае стрелять на Пасху — 4: 85—86.

Сообщение об установке качелей на 9 мая — 6: 282—283.

Поверья о Благовещенье — 3: 400; 7: 294; 10: 387.

Сообщение, что на Сороки пекли «куличи», похожие на птички — 10: 260—261.

Сообщение о праздновании Троицы — 6: 293; 7: 294.

Сообщение о праздновании Вознесения — 7: 446—447, 449, 450, 452—453, 455—456; 8: 316—317.

Сообщение об обычае ходить в какой-то день мая к поклонным крестам, стоявшим возле деревни, и украшать их лентами — 2: 53.

Сообщение о праздновании Девятой пятницы — 2: 76.

Сообщение об обычае на Ивана-Купала насыпать «дорожки» от дома невесты к дому жениха — 6: 49—50.

Поверье о том, что на Воздвижение собираются змеи — 7: 424.

Сообщение об обычаях на Крещение — 2: 83—84; 7: 353.

Сообщение о запрете работать в праздники и описание конкретных «случаев» наказания за это — 11: 52; 4: 51—52 (на Троицу); 8: 300 (на Вознесенье); 11: 389 (на Кирики-Улиты); 3: 87; 6: 260 (в Ильи день); 10: 338 (в день Глеба-Бориса); 12: 305—306 (на святки); 9: 81 (в Крешенье).

Кроме народного календаря мной выделены следующие тематические группы: мифологические представления и верования; христианские представления и народная библия; обряды и обычаи, связанные с бытовой жизнью человека; народная медицина и магические традиции (скажу сразу, для себя я не отмечал описание технологий сельскохозяйственных и домашних работ). Из собственно фольклорных текстов в указанных тематических группах представлены только народная проза (мифологические рассказы, легенды, легендарные былички, устные рассказы) и заговоры. Показательно, что отсутствует песенный фольклор, хотя в «Словаре говоров...» представлены образцы народных песен, записанных в других регионах «Байкальской Сибири». Объясняется это, на мой взгляд, прежде всего тем, что Восточное Забайкалье, если сравнивать с Бурятией, западными районами

Забайкальского края и даже Приангарьем, не может «похвастаться» богатством песенной культуры. В то время как народная проза, заговорно-заклинательные тексты здесь бытуют достаточно активно, и в ходе своих полевых исследований, как и Г. В. Афанасьева-Медведева, я фиксирую их постоянно.

Здесь необходимо заметить, что материал, представленный в первых двенадцати томах словаря, получен от респондентов, чьи года рождения падают в основном на первые два десятилетия прошлого века. Работая в Восточном Забайкалье несколько позже, мне привелось опрашивать тех, кто родился в 1930—40-е гг., т. е. более молодых жителей региона. И это, на мой взгляд, определяет разницу в характере некоторых данных, полученных мной и Г. В. Афанасьева-Медведевой.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что ей удалось записать определенное число христианских легенд: как Господь нищим ходил по земле, его никто не пускал, и только многолетняя бедная вдова пригласила к себе (1: 130—131); о том, что когда-то хлебный колос был большим (7: 456—457); о том, как лодку с Иисусом и учениками ветер угнал в открытое море, и Господь ходил по воде (4: 76); о том, почему день Касьяна отмечают всего лишь один раз в четыре года (1: 220); как св. Никола спас пастуха-инверца от волков (3: 452). Представляется, что этим перечнем не исчерпываются все записи данного жанра, которые были сделаны иркутской исследовательницей. Мои встречи в Приаргунье с «более молодыми» респондентами заставляют говорить о том, что легенды здесь фактически ушли из живого бытования.

Это можно объяснить следующим образом: исполнители, от которых Г. В. Афанасьева-Медведева в свое время записывала христианские легенды, в силу своего возраста еще могли помнить церкви, которые разрушались на их глазах, и даже служивших в них священников. Мои же респонденты, родившиеся уже при советской власти, испытали на себе все «преlestи» атеистического воспитания, усиленного близостью границы, когда нужно было быть бдительным ко всем идеологическим «провокациям», в том числе и в религиозной сфере.

Во-вторых, обнаружилось, что отличаются описания празднования некоторых праздников православного календаря — особенно Вознесения. По моим матери-

алам, в этот день обязательно ходили на гору, на которой был установлен крест. Нередко она и носила название Вознесения, Вознесенская сопка и проч. Кстати, почему-то ни одного такого топонима в «Словаре говоров...» не отмечено.

Процесс восстановления убранных в годы советской власти крестов на крестовых горах Приаргунья начался еще в 1990-е гг. По моим материалам, раньше всего, видимо, крест появился на сопочке в п. Чингельтуй Калганского р-на. Он был восстановлен 23 мая 1996 г., в день Вознесения, и в этом принял непосредственное участие о. Вячеслав (Измайлов), священник Свято-Никольского старообрядческого храма с. Доно (ПМА³ 2013, 2014).

На сопке возле соседнего села Нижний Калбукан также появился крест, но позже, в 2012 г. По рассказам нижекалбуканцев, на Вознесенчиху всегда раньше поднимались на праздник Вознесения Христова. В начале 1990-х гг. часть сопки срыли и использовали ее песок для строительства дороги. С этого, как рассказывают, и начались все несчастья — стал разваливаться колхоз, молодежь спивается, происходят убийства и т.д., село умирает. Именно поэтому его жители решили восстановить на сопке крест. Он был освящен в 2013 г. священником о. Олегом (ПМА 2014).

В упоминавшемся уже выше селе Доно, по сообщению респондентов, было две крестовые горы — Калушиха (в народе ее зовут — Какауха) и Вознесенская (сейчас ее называют «Миру Мир», по выложенной из камней надписи). На обе ходили на Вознесение. «Миру Мир» находится в непосредственной близости к старообрядческому кладбищу села, Какауха — ближе к православному, при этом нужно сказать, что она более крутая и подниматься на нее сложно, хотя, как рассказывают, на нее раньше заносили даже самовар. Две Вознесенские сопки отражают раздельное сосуществование старообрядческой и православной (никонианской) общин в Доно, у каждой из которых был свой храм (к настоящему времени сохранился только старообрядческий). Администрация поселка давно рассматривает вопрос о восстановлении на Вознесенской горе креста, но пока это еще не сделано (ПМА 2013).

К слову, во всех этих трех поселках, где сейчас стоят кресты на Вознесенских сопках, — Чингельтуй, Нижний Калбукан

³ ПМА — полевые материалы автора рецензии.

и Доно, — Галина Витальевна в свое время работала, и в ее словаре опубликованы некоторые интервью, сделанные от жителей этих поселков.

По рассказам моих респондентов, при посещении Вознесенских сопкок на праздник на вершину к кресту или на то место, где он когда-то стоял, обязательно заносили иконы, какую-то еду, среди которой были яички и специально испеченные хлебные *лесенки*, а главное — взятые у подножия камушки, и проводили возле креста молебен. Среди китайских русских Трехречья эта традиция сохраняется до сих пор (см.: [Кляус 2012]).

По материалам «Словаря говоров...» празднование Вознесения проходило несколько иначе: собирались на возвышенности, принесли специально сваренные и покрашенные яйца — их сначала какое-то время кидали вверх и ловили, а затем съедали, мужчины стреляли из ружей холостыми патронами, а кроме того, обязательно заряжали порохом деревянную чурку и взрывали ее. Вот как это происходило, по одному из рассказов:

И ешио вот Вознесения день стреляли шибко. <...> Всегда на берегу, на угоре этом, на горе, вот на берегу. <...> И заряжали чурки, порохом почему-то, мужчины в основном. Вот чурку, может, метра полтара, туда порох, и вот когда вот, видно, начиналось, и вот эти костры поджигали. Оне горели так здорово! И мы яйца красные, а мы младшеньки ещё были, бросали вверх! И кричали:

— *Христос на небесах, Христос!*

И эта чурка как... Ну их поодаль делали... Как взорвётся, как взлетит вверх! Такой горохот, как залп какой-то. Кричали, народ-то:

— *Христос на небесах!*

(М. П. Бутакова, 1922 г. р., Сретенский р-н, запись 1982 г.; 7: 452—453).

Стрельба — одна из самых ярких черт празднования Вознесения, которая запомнилась респондентам Г.В. Афанасьевой-Медведевой:

И вот, выдут мужики на угор и начинают — ба-бах! Ба-бах! А мы, ребятишонки-то, все это бегом и спрашиваем:

— *Чё, чё стреляете?!*

— *Дак Восподь Боженька полятел — надо чертей отпугивать, и надо провожать его, что его там черти не схватили — вот это оне говорили.*

(Е. С. Купрякова, 1924 г. р., Кыринский р-н, запись 1994 г.; 8: 316—317).

О том, что где-либо на сопке стоял крест, о молебне возле него, об обычае поднимать к кресту камни, обрядовый хлеб — об этом в интервью, которые были записаны иркутской исследовательницей, ничего не говорится. Обнаруживается лишь следующее сходство с моими материалами: Христа «провожают» на Вознесение на небо на какой-либо возвышенности и обязательно приносят туда сваренные яички. Я же, в свою очередь, пока не слышал, чтобы принесенные на Вознесенские сопки яички кидали вверх (их просто кладут к кресту), а главное, чтобы стреляли из ружей или о заряженной порохом чурке.

Г. В. Афанасьевой-Медведевой, без сомнения, удалось зафиксировать более ранние элементы празднования Вознесения в Восточном Забайкалье. Исходя из ее материалов праздник носил всеобщий характер, проходил шумно и весело, с пением песен, танцами и стрельбой. Судя по возрасту респондентов, Вознесение так отмечалось еще в начале 1930-х гг. Позже это было уже невозможно. На Вознесенские сопки, где когда-то стояли кресты, как говорят мои респонденты, в советское время ходили только старушки и то — *крадче*, т. е. тайно, чтобы об этом никто не знал. Палить из ружей (хотя мужчины, конечно, их имели, продолжая охотиться), а тем более взрывать заряженную порохом деревянную чурку было просто невозможно, особенно на приграничных с Китаем территориях. Праздник трансформировался, став по существу женским, и сегодня он возрождается в некоторых поселках Восточного Забайкалья на основе воспоминаний уже советского периода. Возможно, в очередных томах «Словаря говоров...» будут опубликованы описания и более поздних форм празднования Вознесения.

Здесь я привел лишь два примера значимости материалов труда Г. В. Афанасьевой-Медведевой для понимания динамики развития русской народной культуры «Байкальской Сибири». Думаю, что любой исследователь, занимающийся ее изучением в этом, да и не только в этом регионе, найдет в нем нужный для себя материал, как лингвистический, так и фольклорно-этнографический.

Первые два тома издания сопровождались мультимедийными приложениями на CD, которые содержат видеозаписи исполнения респондентами Г. В. Афанасьевой-Медведевой отдельных устных и мифологических рассказов (хотя, судя по всему, не все они опубликованы в данных томах): 1-й том — К. Е. Рукосуева, 1922 г. р. 175

(с. Яркино, Кежемский р-н Красноярский кр., 2003); А. Д. Гуржей, 1918 г. р. (с. Заледеево, Кежемский р-н, Красноярский кр., 2002 г.); 2-й том — У. И. Зверькова, 1924 г. р., и Н. С. Брюханов, 1924 г. р. (с. Чунояр, Богучанский р-н, Красноярский кр., 2005); А. С. Горбачева, 1918 г. р. (с. Карабула, Богучанский р-н, Красноярский кр., 2005). К сожалению, все последующие тома выходят уже без мультимедийных приложений. Но если бы это начинание было продолжено, «Словарь говоров...» приобрел бы большую значимость, став еще и уникальным видеособранием фольклора русских сибиряков.

Следует также отметить, что все тома проекта Г. В. Афанасьевой-Медведевой иллюстрированы большим количеством фотографий, на которых запечатлены образы тех, с кем работала исследовательница, черты уже во многом ушедшей культуры сибирских старожилов. Используются не только экспедиционные фотоматериалы, но и архивные черно-белые снимки и открытки начала XX столетия.

Столь фундаментальное издание Галине Витальевне невозможно подготовить без помощи учеников, коллег и поддержки со стороны администраций Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (под его

грифом изданы 1—8-е тома)⁴ и Иркутского государственного педагогического университета, который в настоящее время реорганизован в Педагогический институт Иркутского государственного университета. К сожалению, как мне известно, реорганизация отрицательно сказалась на сохранности фольклорного архива кафедры литературы этого учебного заведения. И оригиналы части опубликованных в «Словаре говоров...» записей, сделанных в тридцати пяти (sic!) проведенных под руководством и при непосредственном участии Г. В. Афанасьевой-Медведевой экспедиций ИГПУ, могут быть безвозвратно утеряны!

Несмотря на это, я уверен, проект будет завершен. Хочется лишь пожелать автору здоровья, новых полевых исследований и открытий. С огромным интересом и нетерпением жду, как и многие мои коллеги, очередные тома «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири», издания, составляющего честь иркутской и сибирской фольклористики!

⁴ С 9-го тома «Словарь говоров...» издается под грифом созданного в Иркутске в 2012 г. Регионального центра русского языка, фольклора и этнографии, директором которого является Г. В. Афанасьева-Медведева.

Сведения об авторе

Доктор филологических наук, заведующий отделом Института мировой литературы им. А. М. Горького: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а, тел. +7 (495) 697 13 89, e-mail: v.klyaus@mail.ru

ENCYCLOPEDIA OF NATIONAL LIFE OF EASTERN SIBERIA RUSSIAN OLD-TIMERS

VLADIMIR KLYAUS

(The World Literature Institute named after A. M. Gorky of the Russian Academy of Sciences: Povarskaya st. 25a, Moscow, 121069, Russian Federation)

The review on the first 12 volumes of the continued publication: Afanas'eva-Medvedeva G. V. Dictionary dialects of Eastern Siberia Russian old-timers. V. 1, 2. — Irkutsk, v. 3, 4 — Sankt-Peterburg, v. 5—12 — Irkutsk, 2007—2013.

The paper is supported by the grant of RHF № 14-04-00449.

About the author

E-mail: v.klyaus@mail.ru

Tel: +7 (495) 697 13 89;

Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russian Federation;

Full Professor (Philology), the head of the Folklore Department, the World Literature

176 Institute named after A. M. Gorky of the Russian Academy of Sciences.